

Н.И. Басовская

ДИАЛОГ КОРОЛЯ И СОСЛОВИЙ НА ЗАКАТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: КАРЛ V МУДРЫЙ

Статья посвящена проблеме зарождения национального самосознания во Франции в эпоху позднего Средневековья. Одним из проявлений этого процесса стал нетрадиционный диалог королевской власти в лице короля Карла V с непривилегированными сословиями страны.

Ключевые слова: Франция, Столетняя война, Генеральные штаты, городское сословие, крестьянство.

Карл V (род. 1337, король 1364–1380 гг.) – правитель Франции с неслучайным прозвищем «Мудрый». Прозвище, данное ему народом Франции, отражает, как все подобные народные метафоры, нечто весьма существенное для понимания личности этого монарха. Он находился у власти в переходную эпоху, образно и точно названную Й. Хейзингой «осенью Средневековья». Как у всякой осени, у нее была «золотая пора» – время, когда внутренние кризисные явления в жизни общества неизвестны участникам событий, но... проявляются в их поведении.

В предшествующий период западноевропейской истории, который можно назвать веком рыцарства и рыцарственности, мудрость не являлась наиболее ценным качеством правителя, о чем и свидетельствуют тогдашние прозвища, например Ричард I Львиное Сердце или Людовик IX Святой. Выше всего ценился меч, разящий врагов, и особенно «неверных». А вот вторая половина «осеннего» XIV в. предложила альтернативную оценку королевских качеств в виде мудрости Карла V.

В ее основу, на мой взгляд, легло то, что современниками вовсе не осознавалось и не формировалось – а именно начавшийся при Карле V диалог короля и сословий, прежде всего горожан.

Известно, что в личности и поведении Карла V проявлялись весьма необычные для Средневековья свойства¹. Например, этот король не выходил на поле брани и турниры, передав высшие военные полномочия Бертрану Дюгеклену – безвестному рыцарю из Бретани. Практически незнатный человек (да еще из считавшейся полудикой Бретани) – на должности коннетабля, чаще всего занимаемой принцами крови, родственниками короля. Это казалось невозможным, но назначение состоялось, что представляет собой, на мой взгляд, некое «послание» высшей французской знати, сознание которой всецело определялось нормами классического Средневековья, когда понятие знатности ставилось несравненно выше любых деловых качеств. Неким существенным дополнением к этому косвенному «посланию» была хорошо известная «книжность» короля, который собрал лучшую для своего времени библиотеку (около 900 томов), тратил большие средства на приобретение старинных рукописей, проявляя совершенно нетипичные для высшего сословия этой эпохи качества.

Однако если его диалог с высшим сословием, носителем вековых традиций Средневековья, имел косвенный, скрытый в глубине поступков характер, то обращения короля к непривилегированным представителям тогдашнего французского общества были прямыми и открытыми. И это диалог с меняющимся временем и самим собой.

Представляется интересным рассмотреть логику движения Карла V к этому диалогу, важнейшему и показательному для эпохи «осени Средневековья».

Личная и политическая биография Карла V неотделима от истории первой половины Столетней войны. Он родился в 1337 г., т. е. в год объявления знаменитого западноевропейского политического конфликта в абсолютно средневековом контексте борьбы двух королевских домов – Плантагенетов и Валуа. Английский король Эдуард III объявил правившего в этот момент деда Карла V, Филиппа VI, узурпатором, а себя – законным правителем Франции. Отец Карла V Иоанн II Добрый (1350–1364) был вторым коронованным представителем рода Валуа на французском престоле². В его отчаянных усилиях, направленных на укрепление классических рыцарских ценностей (например, создание Ордена Звезды, основанного на явном подражании легендарному королю Артуру и рыцарям круглого стола), мне видится стремление усилить и украсить неуверенное положение первых Валуа. Опора Иоанна II на объективно уходящие в прошлое идеалы рыцарства должна была привести его деятельность к естественной неудаче, глубина которой оказалась в реальности подлинным крахом:

страшное военное поражение 1356 г. при Пуатье, английский плен короля Франции, катастрофический экономический и политический кризис во французском королевстве.

Выход из трагической ситуации, возникшей в стране после битвы при Пуатье, пришлось искать и находить Карлу V, сначала в статусе дофина-регента, а затем – французского короля.

Детство и юность дофина Карла закончились 19 сентября 1356 г. на поле сражения с войском наследника английского престола Эдуарда Черного Принца. Девятнадцатилетний Карл покинул поле боя по приказу отца Иоанна II, который как истинный рыцарь сам отступить не мог и оказался вместе с младшим сыном Филиппом в английском плену.

Жизненный опыт дофина к этому моменту некоторым образом мог подготовить его к успешным поискам выхода из абсолютно трагической ситуации, сложившейся во французском королевстве. Лишившийся матери в двенадцатилетнем возрасте и непригодный к участию в активной рыцарской деятельности отца (хилый, тщедушный мальчик)³, принц Карл обратился к чтению книг. Рубеж XIII–XIV вв. был отмечен в Западной Европе возрождающимся интересом к литературному наследию античности и появлением авторов, как бы соединявших в своем творчестве латинские мотивы и духовные ценности Средневековья⁴. Особое внимание дофина привлекало получившее известность во Франции сочинение Жана де Жуанвиля «История Людовика Святого», написанное в конце XIII в.⁵ Можно предположить, что юный дофин вглядывался в нарисованный автором портрет идеального государя с вниманием и пытливым интересом, свойственными людям-книжникам любой эпохи.

Отмечу также, что в свои девятнадцать лет будущий Карл V уже давно не был ребенком и даже незрелым юношей. И дело не только в том, что в эпоху Средневековья зрелость в принципе приходила к человеку раньше, чем в последующие времена. Дофина рано женили на его кузине Жанне де Бурбон. В год свадьбы (1350 г.) ему было тринадцать лет, а ко времени битвы при Пуатье у супругов появились первые из их будущих десяти детей.

Итак, после Пуатье Франция фактически потеряла армию, так как не подчиненные единому командованию (в отличие от войска английского короля) рыцарские отряды покинули поле боя, оставив на нем Иоанна II. Вновь призвать их на основе устаревшего средневекового вассалитета король не мог, так как находился в плену у англичан. Рыцарскому сословию Франции был, кроме того, нанесен очень серьезный моральный удар: твердо присвоив себе славу лучших воинов, они не только потерпели страшное пораже-

ние и понесли большие потери (не менее 2500 человек), но и подорвали свой авторитет во Франции. Статус рыцаря как представителя привилегированного сословия предполагал безусловное уважение к нему со стороны «престецов». После Пуатье очевидно что-то пошатнулось в этой важнейшей составляющей средневекового мироустройства. Хронисты сообщают о крайнем неуважении и даже презрении, проявленном горожанами по отношению к рыцарским отрядам, проходившим по французским городам и городкам после позорного поражения. Как плохих актеров в античном театре, горожане забрасывали их тухлыми овощами и фруктами⁶.

Какая-то часть французской знати открыто изменила своему королю, приняв сторону претендента на корону короля Наварры Карла по прозвищу Злой. Иоанн II еще до Пуатье приказал заточить его в знаменитый замок Шато-Гайяр как человека, опасного для престола. Теперь в обстановке политического кризиса его сторонники с оружием в руках выступили с требованием освобождения Карла Наваррского.

В этой обстановке будущий Карл V в статусе дофина созвал Генеральные штаты в очевидной надежде привычно затребовать дополнительных субсидий для выкупа короля. В ответ Штаты выдвинули определенные условия, которые известны из текста знаменитого «Великого мартовского ордонанса», подписанного дофином 3 марта 1357 г. Документ, реально ограничивавший королевскую власть во Франции и содержавший по существу, план серьезных преобразований системы суда и управления, не был результатом диалога между королевской властью в лице дофина Карла и сословиями, прежде всего горожанами. Это вовсе не тот диалог, о котором было сказано в начале статьи, «тот диалог» еще должен родиться и знаменовать собой начало принципиальных изменений во взаимоотношениях королевской власти и непривилегированных сословий.

А пока это был результат прямого давления на дофина Карла, оказанного оппозицией горожан во главе с купеческим старшиной Парижа Этьеном Марселем. Реакция будущего Карла V Мудрого на попытки ограничить королевскую власть была вполне традиционно королевской. Представители городской оппозиции были для него обыкновенными бунтовщиками, пытавшимися подорвать многовековые устои бытия.

Через несколько месяцев, летом 1357 г., дофин попытался отменить Ордонанс⁷. Это ускорило начало Парижского восстания под руководством Этьена Марселя⁸. А 22 февраля 1358 г. восставшие парижане дали дофину урок насилия в несостоявшемся диалоге с сословиями: два маршала дофина были убиты восставшими

на глазах бессильного и безвластного на тот момент правителя непосредственно в его дворце. Какой здесь возможен диалог? 14 марта 1358 г. дофин Карл принял титул регента, а 25 марта бежал из Парижа.

В мае 1358 г. начался страшный бунт крестьян на северо-востоке Франции, известный под названием Жакерии. С ноября 1357 г. бежавший из заточения Карл Злой развернул борьбу против дофина на юго-западе. В Париже до июля 1358 г. продолжили бунтовать горожане во главе с Этьеном Марселем.

Было бы странно, если бы англичане не воспользовались такой благоприятной обстановкой для попытки добиться окончательного успеха во Франции. Лето 1358 – осень 1359 г. стали временем особенно масштабных опустошений во Франции. Англичане в союзе с наваррцами разграбили и обескровили Нормандию, Пикардию, Бретань, опустошили территории вокруг Парижа, прошли грабительскими рейдами по французскому юго-западу.

В этой поистине трагической ситуации началось то, что можно назвать сопротивлением населения Франции и даже началом освободительного движения, апогеем которого примерно спустя полстолетия станет появление исторической фигуры Жанны д'Арк. Мне уже доводилось анализировать эту сторону истории Столетней войны, выделять и оценивать этапы освободительного движения, состав его участников и т. п.⁹ Однако в контексте данной статьи хотелось бы подчеркнуть тот факт, что у истоков массового сопротивления завоевателям-англичанам стоял дофин Карл, ставший в 1364 г. французским королем.

Выше было показано, что его попытки диалога с Генеральными штатами и городской верхушкой Парижа в лице Этьена Марселя окончились полной и вполне естественной неудачей. И все же нашлось нечто общее, что сблизило позиции Карла и большей части его подданных. Интуитивно, а скорее просто от полного отчаяния дофин начал обращаться к своим подданным с призывами оказать сопротивление захватчикам. В том самом 1358 г., когда он бежал из бунтующего Парижа, Карл подписал воззвание «ко всем добрым городам» Пикардии и Вермандуа за помощью «для сопротивления наваррцам, которые опустошают французское королевство». Известный хронист Ж. Фруассар сообщает, что «добрые города были рады сделать это»¹⁰. Итак, в Париже бунт, а некие «добрые города» – на стороне дофина. Причину этого понять не так уж сложно: во Франции растет сила сопротивления захватчикам, начинающаяся с элементарной самообороны. При этом люди знают, что дофин отверг Лондонский договор, подписанный пленником-королем Иоанном II, согласно которому под английскую

власть должны были отойти огромные территории во Францию. И это объективно сближает их позиции.

Поразительным представляется то, что дофином Карлом в скором времени были «замечены» даже французские крестьяне. С одной стороны, какая-то их часть приняла участие в Жакерии – темном кровавом бунте, где восставшие были готовы истребить всех дворян, но не отказались при этом от знамени с королевским гербом. С другой – они же, крестьяне, начали создавать отряды самообороны, обращаясь к дофину за разрешением использовать крепости или заброшенные обители в качестве базы для их партизанских действий¹¹. Создается впечатление, что дофин Карл наконец «услышал» обращенный к нему призыв анонимного автора знаменитой «Жалобной песни о битве при Пуатье». В этом произведении, которые мы сегодня могли бы определить как художественно-публицистическое, содержался призыв к юному дофину «повести за собой на войну Жака-Простака – уж он не бросится бежать ради сохранения своей жизни»¹².

Отмечу, что неизвестный автор совсем не обязательно имел в виду под прозвищем Жак-Простак только французских крестьян. В хрониках XIV в. есть сведения о том, что этой презрительной формулой французские дворяне и завоеватели-англичане определяли не только крестьян, но и горожан¹³. Факты из истории крепнущего сопротивления свидетельствуют о том, что оно сближало сословия в общем противостоянии захватчикам. Так, в 1360 г. в Нормандии, по сообщению анонимного автора «Хроники первых четырех Валуа», нормандские рыцари действовали против захватчиков совместно с городским ополчением из Руана и крестьянами окрестных деревень. При осаде захваченного англичанами города Бутанкура крестьяне обеспечили воинам проход в город, соорудив настил над рвом, который они завалили деревьями¹⁴.

Некий элемент сближения со своими подданными на основе противостояния врагам королевства был, по всей видимости, интуитивно найден дофином Карлом в совершенно безвыходной ситуации конца 1350-х годов. Обретя после смерти Иоанна II всю полноту власти, Карл V не отступил от этой позиции, продолжая исполнять роль вдохновителя массового сопротивления завоевателям. Это в середине – конце 60-х гг. отразили официальные распоряжения и обращения к подданным, подписанные молодым королем¹⁵ (Карл получил корону в возрасте 26 лет). В документах, связанных с войной, Карл V неизменно подчеркивал ее тяготы для населения Франции. Так, назначая в 1364 г. Бертрана Дюгеклена на его первый крупный военный пост («капитан-генерал Нормандии») король отметил, что его главная задача – борьба

с наваррцами, которые «вторглись в герцогство Нормандию и причинили большой ущерб нашим подданным»¹⁶. Замечу, король говорит не о притязаниях Карла Злого на французскую корону (т. е. на его трон, который он только что получил). Он говорит о чем-то более существенном для своих страдающих от войны подданных. Хронист Жан де Венетт чутко отразил это в своем произведении, написав по поводу назначения Дюгеклена: «Бертран ... обещал королю Франции изгнать силой оружия всех врагов королевства, грабителей и воров»¹⁷.

Подлинным завершением поиска диалога с сословиями, на мой взгляд, можно считать лозунги, под которыми Карл V официально возобновил войну против Эдуарда III в 1369 г. В своем обращении к жителям Франции он писал не о притязаниях английского короля на французскую корону, хотя очевидно, что для него это было очень важно. На пути обретения той мудрости, которую народ отразит в прозвище короля, Карл V апеллировал к гораздо более близким для населения страны мыслям и чувствам: «Да будет всем известно, что Эдуард Английский и его старший сын Эдуард принц Уэльсский начали против нас и наших подданных открытую войну, они грабят и жгут наши земли и причиняют всякое зло и потому являются нашими врагами»¹⁸.

В такой «редакции» Карла V война, которую в начале XIV в. назовут Столетней, перестала быть исключительно делом королей. Здесь – истоки изменения ее характера во времена Жанны д'Арк и Карла VII Победителя. Начавшийся диалог феодального монарха с сословиями отразил истоки того, что много позже назовут патриотизмом и зарождением национального самосознания.

Это – одно из проявлений «осени Средневековья», едва ли осознанное современниками, но замечаемое глазами историков.

Примечания

- ¹ Существующая биографическая литература, посвященная Карлу V, не очень-то обширна. Основные качества этого короля наиболее подробно рассмотрены Франсуазой Отран: *Autrand F. Charles V. P.: Fayard, 1994.*
- ² *Bordonove T. Jean le Bon et son temps 1319–1364. P.: Ramsey, 1980.*
- ³ Ф. Отран подробно излагает представленные во французской историографии дискуссии вокруг диагноза болезненного дофина Карла (*Autrand F. Op. Cit. P. 471–472*).
- ⁴ Кретьен де Труа переведил Овидия и активно использовал в своем творчестве комплекс легенд о короле Артуре и рыцарях круглого стола: *Les Romans de Chretien de Troyes. T. 1–4. P., 1953–1963.*

Диалог короля и сословий на закате Средневековья: Карл V Мудрый

- 5 *Calmette J.* Charles V. P., 1947. P. 92.
- 6 *Chronique des quatre premiers Valois (1327–1393).* P., 1862. P. 46.
- 7 *Le Febvre J. E.* Marcel ou le Paris des marchands au XIV siècle. P., 1926. P. 131.
- 8 *Avout J. d'.* Le meurtre d'E. Marcel, 31 juillet 1358. P., 1960.
- 9 *Басовская Н.И.* Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы истории. М., 1987. № 1.
- 10 *Froissart J.* Chronicles of England, France, Spain / Tr. D. Bouchier lord Berners. L., 1812. V. 1. P. 223.
- 11 Об этих фактах красочно повествует хронист Жан де Венетт, труд которого пронизан симпатией к простым людям Франции: *The Chronicle of Jean de Venette* / Ed. R.A. Newhall. N. Y., 1953. P. 80, 86, 88, 90–93.
- 12 Цит. по: *Mirepoix L.* La guerre de Centans. P., 1973. P. 367.
- 13 *Chronique de quatre premiers Valois...* P. 64.
- 14 *Ibid.* P. 102.
- 15 *Mandements et actes divers de Charles V (1364–1380).* P., 1874.
- 16 *Ibid.* P. 67.
- 17 *The Chronicle of Jean de Venette.* P. 124.
- 18 *Mandements...* P. 269.